

Д.А. Коробейников

## МИХАИЛ VIII ПАЛЕОЛОГ В РУМСКОМ СУЛТАНАТЕ

Интересующий нас эпизод в биографии будущего византийского императора до сих пор исследован слабо. Несмотря на ряд хороших работ, посвященных никейско-сельджукским отношениям, по-прежнему во многом остается непонятным, каким образом византийцы<sup>1</sup> после катастрофы 1204 г. (когда Константинополь был взят рыцарями IV Крестового похода) смогли не только сохранить, но и преумножить свое политическое влияние в Румском султанате. Если посмотреть на развитие отношений между сельджуками и византийцами в Малой Азии с более широкой хронологической перспективы (после битвы при Манцикерте в 1071 г. и до окончательной потери Византией малоазийских владений в 1310 г.), то период 1243–1261 гг.<sup>2</sup> по степени византийского влияния на Румский султанат мало в чем уступает периоду 1160–1176 гг., когда император Мануил I Комнин (1143–1180) принудил султана Кылыч Арслана II (1156–1192) подписать договор, сделавший султанат союзным Византии государством. Только битва при Мириокефале (1176) прекратила действие этого соглашения.

Таким образом, изучение биографии Михаила Палеолога интересно с обеих точек зрения: как история походов в мусульманском государстве знатного византийца, к тому же потом ставшего императором, и как исследование причин возрастания византийского (никейского) влияния на Сельджукский султанат Рума в эпоху монгольского нашествия.

### *Часть I: 1256 год*

Когда в 1246 году умер султан Гийас ал-Дин Кай-Хосров II, в правление которого султанат подчинился монголам, ему наследовал старший сын 'Изз ал-Дин Кай-Кавус II. Его единоличное правление длилось всего два года, до 1249 г., после чего ему пришлось делить трон со своим братом, Рукн ал-Дином Кылыч Арсланом IV, который получил ярлык на занятие престола от Великого каана Гуюка (1248–1249)<sup>3</sup>. 1 Раби' I 647 (14 июня 1249 г.) между

<sup>1</sup> Я последовательно называю византийцами подданных никейского императора, чтобы подчеркнуть преемственность Никеи и ее институтов с исчезнувшей Византией, которую именно никейцы и смогли восстановить. Кроме того, если предпочесть термин "никейцы", то возникают затруднения в определении представителей греческого населения, живших на сельджукских землях Малой Азии. Сельджуки называли их *руми*, т.е. ромеями (византийцами), и в церковном отношении они продолжали подчиняться патриарху Константинополя, временно пребывавшему в Никее. События 1204 г. никак не изменили ни их статус, ни наименование.

<sup>2</sup> Это время от создания никейско-сельджукского союза против монголов до отвоевания Константинополя, после чего император Михаил VIII Палеолог (1259–1282) окончательно переориентировал восточную политику Византии в Малой Азии на отношения с монгольским государством Ильханов в Иране.

<sup>3</sup> *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей / Под ред. А.А. Семенова, А.А. Ромаскевича, И.П. Петрушевского. Т. 2–3. М.; Л., 1946–1960. Т. 2. С. 118, 120, 124; *Rashid al-Din. Jāmī' al-Tawārikh* /

двумя братьями произошла битва, в которой Рукн ал-Дин Кылыч Арслан IV потерпел поражение и попал в плен к Кай-Кавусу II<sup>4</sup>. Еще до этой битвы, в апреле-мае 1249 г., на переговорах с монгольским посольством всеильного временщика, *атабека* (или *атабея*) Джамал ал-Дина Каратая, воспитателя 'Изз ал-Дин Кай-Кавуса II, было достигнуто соглашение<sup>5</sup>, согласно которому султаном должны были править все три сына покойного султана Кай-Хосрова II: старший, 'Изз ал-Дин Кай-Кавус II, средний, Рукн ал-Дин Кылыч Арслан IV, и младший, 'Ала ал-Дин Кей-Кубад II. Была провозглашена *хутба* с упоминанием их имен; таким образом, румский престол одновременно заняли три султана<sup>6</sup>.

Это неординарное правление, не имевшее аналогов в сельджукской истории, продолжалось до 1254 г., когда, наконец, 'Ала ал-Дин Кей-Кубад II был отправлен к Батыю (1239–1255), хану Золотой Орды, с дипломатической миссией<sup>7</sup>. Два других брата по-прежнему не прекращали соперничества.

- 
- Ed. B. Kaṣmī. Vol. I. Tehrān. 1959. P. 568, 570, 576. (Далее: Rashīd al-Din. I, II); Histoire des Seldjoudides d'Asie Mineure (texte persan) / Ed. M.T. Houtsma. Recueil des Textes relatifs à l'histoire des Seldjoudides. T. IV. Leiden; Brill, 1902. P. 264–267. (Далее: Ibn Bibi); Duda H. Die Seltchukengeschichte des Ibn Bibi. Kopenhagen, 1959. S. 252–255. (Далее: Ibn Bibi (Duda)); Histoire des Seldjoudides d'Asie Mineure par une anonyme, texte persan publié par F.N. Uzluk. Ankara, 1952. P. 51 (P. 33–34 туп. пер.). (Далее: Anonyme); Gregorios Bar 'Ebrāyā (Gregorius Barhebraeus). Ktābā d-maktbānūt zabnē: Gregorii Barhebraei chronicon syriacum: e codd. mss. emendatum ac punctis vocalibus adnotationibusque locupletatum / Ed. P. Bedjan. P., 1890. P. 481. (Далее: Bar 'Ebrāyā); Gregory Abū'l Faraj, commonly known as Bar Hebraeus. The Chronography / Transl. by E.W. Budge. Vol. I. L., 1931. P. 411. (Далее: Bar Hebraeus (Budge)); *Киракос Гандзакетци*. История Армении / Пер. с древнеарм., предисловие и примеч. Л.А. Ханларян. М., 1976. С. 196; *Kirakos Gandzakets'i*. History of the Armenians / Transl. by R. Bedrosian. N.Y., 1986. P. 266 (электронная версия: <http://rbedrosian.com/kg1-12.htm>); Шукуров П.М. Великие Комнины и Восток (1204–1461). СПб., 2001. С. 155; Turan O. Selçuklular zamanında Türkiye. Siyâsi Tarih Alp Arslan'dan Osman Gazi'ye (1071–1318). Istanbul, 1971. S. 465; Cahen C. Pre-Ottoman Turkey. A General Survey of the Material and Spiritual Culture and History c. 1071–1330. L., 1968. P. 272; Idem. The Formation of Turkey. The Seljukid Sultanate of Rûm: Eleventh to Fourteenth Century. Harlow, 2001. P. 178–179 (эта книга является переводом на английский язык монографии Каэна: Cahen C. La Turquie Pre-Ottomane [Varia Turcica VII]. Istanbul; Paris, 1988. Французский вариант, изданный в 1988 (и соответственно его английский перевод, выполненный Холтом в 2001 г.) отличаются от первого издания монографии 1968 г., см.: Idem. The Formation of Turkey... P. XI–XIII.
- <sup>4</sup> Ibn Bibi. S. 268–269; Ibn Bibi (Duda). S. 256–257; Bar 'Ebrāyā. P. 482–484; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 412–414 (наиболее подробное изложение событий этой войны). Дата битвы дана в: Anonyme. P. 51 (P. 34 туп. пер.).
- <sup>5</sup> *Terminus post quem* переговоров – 25 марта 1249 г., когда был казнен сахиб Шамс ал-Дин Исфахани. Anonyme. P. 51 (P. 33 туп. пер.); Ibn Bibi. S. 264–267; Ibn Bibi (Duda). S. 253–255; Cahen C. The Formation of Turkey... P. 178; Idem. Pre-Ottoman Turkey... P. 272; Turan O. Selçuklular zamanında Türkiye... S. 466.
- <sup>6</sup> Ibn Bibi. S. 267–268; Ibn Bibi (Duda). S. 255–256; Kerîmüddin Mahmud Aksarayi. Mûsameret ül-ahbâr. Mogollar zamanında Türkiye selçukluları tarihi. Mukaddime ve haşiyelerle tashih ve neşreden O. Turan. Ankara, 1944. S. 37. (Далее: Aksarayi); Bar 'Ebrāyā. P. 484; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 414; Cahen C. The Formation of Turkey... P. 178–179; Turan O. Selçuklular zamanında Türkiye... S. 466–470.
- <sup>7</sup> По идее, туда должны были ехать все три брата, но смерть Каратая 28 Рамадана 652 г. Х. (11 ноября 1254 г.) спутала все планы. Двое братьев остались в султанате, тогда как 'Ала ал-Дин Кей-Кубад II продолжил путь к монголам. Ibn Bibi. S. 275–277, 292–293; Ibn Bibi (Duda). S. 262–264, 278–279; Aksarayi. S. 38–39; Anonyme. P. 52 (P. 34 туп. пер.); Bar 'Ebrāyā. P. 494; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 422; Baybars al-Manşūrî al-Dawādār. Zubdat al-fikra fî ta'rîkh al-hijra: History of the Early Mamluk Period / Ed. by D.S. Richards. Beirut, 1998. P. 26–28; Cahen C. The

В том же 1254 г. Рукн ал-Дин Кылыч Арслан IV пошел войной на своего старшего брата, но потерпел поражение (это произошло до конца 652 г.Х., т.е. до 9 февраля 1255 г.)<sup>8</sup>. 'Изз ал-Дин Кей-Кавус II заточил Рукн ал-Дина в крепости Бургулу (соврем. Улуборлу, виз. Созополь)<sup>9</sup> или, по другим сведениям, в Бурдуле (соврем. Бурдур, на берегу одноименного озера), в "области уджа"<sup>10</sup>. Когда 28 или 29 апреля 1255 г. Вильгельм Рубрук посетил Коню, возвращаясь в Триполи из ставки великого каана, он отметил, что султан Рукн ал-Дин до сих пор содержится в оковах<sup>11</sup>.

Таким образом, 'Изз ал-Дин Кей-Кавус II вновь стал единоличным главой султаната. Еще при жизни Каратая, т.е. до 11 ноября 1254 г., сельджукское правительство решило отправить посольство, возглавляемое амир-дад'ом Фахр ал-Дином 'Али, к Великому каану Менгу (1251–1259), с жалобой на финансовый произвол в Руме посланцев Байджу, главнокомандующего монгольскими войсками в Азербайджане<sup>12</sup>. Эта жалоба была удовлетворена, несмотря на негодование Байджу<sup>13</sup>. Скорее всего, посольство Фахр ал-Дина 'Али вернулось в Рум в конце 1254 – начале 1255 г.<sup>14</sup>

Перед молодым султаном встала задача восстановить былые внешнеполитические позиции своего государства, ослабленные длительным соперничеством с его братом. Формально отношения с Великим кааном были

---

Formation of Turkey... P. 182; *Turan O. Selçuklular zamanında Türkiye...* S. 472; *Шукуров П.М.* Великие Комнины и Восток... С. 155–156. Источники не позволяют датировать смерть 'Ала ал-Дина Кей-Кубада II, равно как и установить, умер ли он от болезни или был убит (по тайному приказу своих братьев); несомненно, что он окончил свои дни, направляясь к Великому каану. Возможно, дата его смерти – 1254 г.: в одной из кратких календарных хроник сообщается, что в 652 г.Х. (21 февраля 1254 г. – 9 февраля 1255 г.) умер некий брат султана Рукн ад-Дина. (*Istanbul'un fethinden önce yazılmış Tarihi Takvimler*. Yay. O. Turan. Ankara. 1954. S. 78–79.) Поскольку двое старших братьев продолжали здравствовать, можно предполагать, что хроника зафиксировала дату смерти младшего брата, султана 'Ала ал-Дина Кей-Кубада II. Ср. *Turan O. Selçuklular zamanında Türkiye...* S. 490, n. 56.

<sup>8</sup> Дата восстания (652 г.Х. (21 февраля 1254 г. – 9 февраля 1255 г.)) отражена в краткой сельджукской хронике в виде даты восшествия на престол, что просто говорит о том, что султан Рукн ал-Дин провозгласил себя единоличным правителем. *Tarihi Takvimler*. S. 78–79.

<sup>9</sup> Аноним. Р. 53 (Р. 34 тур. пер.); *Ibn Bibi*. S. 277–283; *Ibn Bibi* (Duda). S. 264–269; *Шукуров П.М.* Великие Комнины и Восток... С. 156; *Cahen C.* The Formation of Turkey... P. 183.

<sup>10</sup> *Aksarayi*. P. 40; *Turan O. Selçuklular zamanında Türkiye...* S. 475.

<sup>11</sup> *Van den Wyngaert (Athanasius O.F.M.)*. Itinerarium Willelmi de Rubruc // *Sinica Franciscana*. Florence, 1929. Vol. I: Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV. P. 330; *Guillaume de Rubrouck, envoyé de saint Louis*. Voyage dans l'empire Mongol, 1253–1255 / Trad. et comment. de Cl. et R. Kappler. P., 1985. P. 77 (хронология), 244–245.

<sup>12</sup> *Ibn Bibi*. S. 283; *Ibn Bibi* (Duda). S. 269; *Aksarayi*. S. 41.

<sup>13</sup> *Ibn Bibi*. S. 283–284; *Ibn Bibi* (Duda). S. 269–270. П.М. Шукуров, как и Осман Туран, считает, что посольство было отправлено к Батыю, а не к Великому каану Менгу. *Шукуров П.М.* Великие Комнины и Восток... С. 156; *Turan O. Selçuklular zamanında Türkiye...* S. 478–479. Я не согласен с ними: в оригинале полной версии сочинения *Ибн Биби* назван именно Менгу (ср.: *Ibn Bibi* (Duda). S. 341, n. 338). Версия *Ибн Биби* подтверждается *Аксарайи*, который пишет: "Сахиб Фахр ад-Дин 'Али был в то время (имеется в виду 656 г.Х., 8 января – 28 декабря 1258 г., хотя следует заметить, что хронология у *Аксарайи* в начале его труда ненадежная. – Д.К.) амир-и дад'ом. Причина в том, что он [возглавлял дипломатическую] миссию к Его Величеству Гуюк-хану, и ездил в составе посольства в ставку (орду) Менгу-хана; у него были ярлыки [обоих] хаканов..." (*Aksarayi*. S. 41). Клод Каэн также полагает, что посольство Фахр ал-Дина 'Али было отправлено именно к Великому каану, а не к хану Золотой Орды (*Cahen C.* The Formation of Turkey... P. 181, 184).

<sup>14</sup> *Cahen C.* The Formation of Turkey... P. 184.

улажены благодаря посольству Фахр ал-Дина 'Али. Батый, столь властно вмешивавшийся в дела Румского султаната еще в 1254 г., умирает в следующем, 1255 г.<sup>15</sup> Как пишет Ибн Биби (сведения относятся к 1255 – весне 1256 г.), “Султан посвятил себя удовольствиям и наслаждениям молодости”<sup>16</sup>. *Сахиб кади* ‘Изз ал-Дин управлял всеми делами (досл.: пребывал на месте правления. – Д.К.), и страна [наслаждалась] миром. Посланники из Багдада (*dār al-khilāfat*), Мосула, Мардина, Рума (т.е. Никейской империи. – Д.К.), из [земель] франков один за другим постоянно следовали к Его Султанскому Величеству с подношениями и дарами”<sup>17</sup>. Из всех этих государств как раз отношения с Никейской империей, которую Ибн Биби продолжает называть Византией (Румом), имели особое значение для молодого султана. В свою очередь, эти особые отношения между Никейской империей и султанатом неожиданным образом сказались на судьбе будущего императора Михаила VIII Палеолога.

Михаил Палеолог, один из наиболее знатных представителей аристократии Никейской империи, родился между 1224 и 1225 гг. Его родители были великий domestik Андроник Палеолог (ум. в 1247 г.) и Феодора, дочь Алексея Палеолога и Ирины Ангелины, которая, в свою очередь, была старшей дочерью императора Алексея III Ангела (1195–1203)<sup>18</sup>. В 1246 г., в возрасте 21 или 22 лет, Михаил Палеолог был назначен правителем македонских городов Мельник и Серры, оказавшись под начальством своего отца<sup>19</sup>.

Тот факт, что в его жилах текла императорская кровь, равно как и его рано проявившиеся незаурядные способности политика и воина<sup>20</sup>, делали Михаила подозрительной фигурой в глазах никейских императоров. Достаточно отметить, что его дважды арестовывали по обвинению в подготовке мятежа: первый раз по приказу императора Иоанна III Ватаца (1221–1254) в конце 1253 г.<sup>21</sup>; второй раз по приказу Феодора II Ласкариса (1254–1258) в

<sup>15</sup> *‘Alā al-Dīn ‘Atā Malik-i-Juwaynī*. The Ta’rikh-i-Jahān-Gushā. Persian text ed. by Mirza Muḥammad Qazwīnī. Vol. 1–3. Leyden; London, 1912–1937. Vol. I. P. 223. (Далее: Juwaynī); *‘Ala-ad-Din ‘Ata-Malik Juvaini*. The History of the World-Conqueror / Transl. from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J.A. Boyle. Manchester, 1997. P. 268. (Далее: Juvaini (Boyle)). Ср.: Галстян А.Г. Армянские источники о монголах. М., 1962. С. 25 (1256 г.), 35 (1255 г.), 90, 105 (1256 г.). Арабские источники из мамлюкского Египта единодушно называют 650 г.Х. (14 марта 1252 г. – 2 марта 1253 г.) как дату смерти Батыя. Однако все авторы (ал-Нувайри, ал-Айни, Ибн Халдун) заимствовали эту ошибочную дату из своего первоисточника – хроники Рукн ал-Дина Бейбарса [Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884. С. 96 (С. 121 рус. пер.); С. 129 (С. 150 рус. пер.); С. 366 (С. 378 рус. пер.); С. 477 (С. 505 рус. пер.)]. О зависимости сведений ал-Айни и ал-Нувайри (а через них – и Ибн Халдуна) от Рукн ал-Дина Бейбарса см.: Little D.P. An introduction to Mamlūk Historiography. Wiesbaden, 1970. P. 24–32, 80–87.

<sup>16</sup> Эта склонность султана к любовным наслаждениям отмечена и Бар Эбреем. Bar ‘Ebrāyā. P. 494; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 422.

<sup>17</sup> Ibn Bibi. S. 284; Ibn Bibi (Duda). S. 270.

<sup>18</sup> Geanakoplos D.J. Emperor Michael Palaeologos and the West, 1258–1282. A Study in Byzantine-Latin Relations. Cambridge, Mass., 1959. P. 17–18.

<sup>19</sup> Ibid. P. 21.

<sup>20</sup> Ср.: Georgius Acropolitas Opera / Rec. A. Heisenberg, P. Wirth. Vol. I. Stuttgart, 1978. P. 99.12–18; 100.17–20. (Далее: Acrop. I).

<sup>21</sup> Failler A. Chronologie et composition dans l’Histoire de Georges Pachymère // REB. 1980. T. 38. P. 9–12; Geanakoplos D.J. Emperor Michael Palaeologos... P. 21–24.

1258 г.<sup>22</sup> Любопытно, что после первого ареста Иоанн III потребовал от Михаила Палеолога принести специальную клятву верности императору. После этого, где-то между концом 1253 г. и ноябрем 1254 г. он назначил Михаила на должность великого коноставла, т.е. командующего корпусом латинских наемников на службе Никейской империи<sup>23</sup>.

В 1256 г. Михаил Палеолог бежит на территорию Румского султаната. Возможно, Михаил действительно подготавливал мятеж против императора<sup>24</sup>, так что ему грозило разоблачение, или же его просто оклеветали перед Феодором II<sup>25</sup> завистники. Как бы то ни было, в 1256 г. Михаилу Палеологу, управлявшему областями Месофинии и Оптиматов (Μεσοθινίας καὶ Ὀπτιμάτων) на северо-востоке никейско-сельджукского пограничья<sup>26</sup>, пришло послание от его приверженца (φίλος) Феодора Котиса (Κότις). Котис предупреждал Михаила о намерении императора арестовать его<sup>27</sup>. Михаил решил бежать. Он пересекает реку Сангарий<sup>28</sup>, и там, в пограничной зоне, его большой обоз был дочи́ста ограблен турменами (кочевыми тюрками)<sup>29</sup>. Как пишет Акрополит, “Михаил Комнин, едва избежав их рук и будучи спасен по Божьему промыслу, отправился к правителю персов<sup>30</sup>, лишенный всего”<sup>31</sup>.

Султан ‘Изз ал-Дин с радостью принял беглеца. Он назначил Михаила командующим над теми отрядами сельджукского войска, которые были на-

<sup>22</sup> Failler A. Chronologie... P. 16–20.

<sup>23</sup> Acrop. I. P. 134.10–12; Georges Pachymères. Relations historiques / Ed. A. Failler, transl. V. Laurent. Vol. I. P., 1984. P. 37.1–11. (Далее: Pachym. I); Geanakoplos D.J. Emperor Michael Palaeologos... P. 26. Ангольд предполагает, что должность великого коноставла была специально создана императором для Михаила Палеолога. См.: Angold M. A Byzantine Government in Exile. Government and Society Under the Laskarids of Nicaea. Oxford, 1975. P. 187–188.

<sup>24</sup> Prinzing G. Ein Mann τυραννίδος ἄξιος. Zur Darstellung der rebellischen Vergangenheit Michels VIII. Palaiologos / Ed. I. Vassiss, G.S. Henrich, D.R. Reinsch. Lesarten. Festschrift für Athanasios Kambylis zum 70. Geburtstag. B.; N.Y., 1998. S. 188–197.

<sup>25</sup> Такова версия самого Михаила Палеолога. [Imperatoris Michaelis Palaeologi de vita sua / Ed. H. Grégoire // Byzantion. 1959–1960. T. 29–30. P. 453; Typikon of Michael VIII Palaeologos for the Monastery of St. Demetrios of the Palaiologoi-Kellibara in Constantinople (trans. G. Dennis) / Ed. J. Thomas, A.C. Hero, with assistance of G. Constable. Byzantine Monastic Foundation Documents. A Complete Translation of the Surviving Founder's Typika and Testaments (электронная версия: <http://www.doaks.org/typ000.html>). 1999. P. 1243; Троицкий И.Г. Автобиография императора Михаила Палеолога и отрывок из устава, данного им монастырю св. Димитрия. СПб., 1885. С. 25].

<sup>26</sup> Pachym. I. P. 43.6–7. Земли, которыми управлял Михаил Палеолог, располагались к северу от Никее до побережья Черного моря.

<sup>27</sup> Acrop. I. P. 134.7 – 136.7; Pachym. I. P. 43.6–20; PLP. Fasz. 9. 1989. N 21528; Talbot A.-M. Michael VIII Palaeologos // The Oxford Dictionary of Byzantium. II. New York; Oxford, 1991. P. 1367.

<sup>28</sup> Pachym. I. P. 43.21–45.1.

<sup>29</sup> Acrop. I. P. 136.8–22.

<sup>30</sup> Византийские авторы часто называли Румский султанат (который являлся тюркской державой, хотя и под сильным персидским влиянием) “Персией”, а самих тюрков, особенно оседлых, “персами”. См.: Коробейников Д.А. Византия и государство Ильханов в XIII – начале XIV в.: система внешней политики империи // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 1999. С. 439–440.

<sup>31</sup> Acrop. I. P. 136.22–25.

браны из христиан<sup>32</sup>. Именно как командир христианских отрядов сельджукского войска Михаил Палеолог принял участие в битве между султаном и монголами возле Аксары (τὰ Ἀξάρα), т.е. возле современного Аксарая, виз. Архелай<sup>33</sup>. Сельджуки потерпели поражение, и Михаил вместе с “великим стратопедархом персидских войск, которого персы называли бейлербеем (πεκλάρλαχης)”, бежит, спасаясь от монголов, на север, в Кастамону, где у бейлербея была οἰκία (этот термин мог обозначать и дом, и поместье, и даже замок)<sup>34</sup>. Получив клятвенные заверения от императора, что ему не будет причинено никакого вреда (посредником был митрополит Икония<sup>35</sup>), Михаил Палеолог возвратился из Кастамону в Никею.

Таковы вкратце сведения о пребывании Михаила Палеолога в Румском султанате, которые сообщают два основных греческих источника – Георгий Акрополит и Георгий Пахимер<sup>36</sup>. Краткое известие Никифора Григоры в целом повторяет информацию Акрополита<sup>37</sup>. Хотя ни один источник восточного происхождения (арабский, персидский или сирийский) не говорит о пребывании Михаила Палеолога при сельджукском дворе в 1256 г., данные византийских источников заслуживают полного доверия. Они подтверждаются самим Михаилом Палеологом, который на склоне лет написал (или лично отредактировал) два типика для монастырей Архангела Михаила на горе Авксентий возле Халкидона и св. Димитрия в Константинополе, ктиторм которых он являлся. В этих типиках император, описывая свой жизненный путь, сообщил и о своем пребывании в Румском султанате: “Итак, покинув родину, то есть, державу Ромеев, я бежал на чужбину. Я вступил на персидскую [землю], претерпевая, так сказать (ὄν εἴλη τις), всевозможные опасности, от которых целиком был избавлен с Божьей [помощью]. Некоторое время я пребывал возле архонта персов, часто предводительствуя не без доблести отрядом [наших] персидских врагов в битве против татар (Ἀταρίοις)”<sup>38</sup>.

Существует еще один источник, современный пребыванию Михаила Палеолога в Румском султанате. Это письмо священника Никиты Карантина, нотариуса в Палатии (ὁ νομικός τῶν Παλατίων, соврем. Балат, возле Милета<sup>39</sup>), адресованное игумену монастыря ап. Иоанна Богослова на о-ве Патмос. Поскольку автор не упоминает о возвращении Михаила Палеолога

<sup>32</sup> Τὸν μὲν Κομνηνὸν Μιχαὴλ εἰς ἡγεμόνα τῶν Χριστιανικῶν στρατευμάτων οἱ Πέρσαι εἶναι διέτάξαντο (Ibid. I. P. 137.13–14). Что именно Акрополит подразумевал под “христианским войском”, будет сказано ниже.

<sup>33</sup> Идентификацию см.: Cahen C. The Formation of Turkey... P. 297 (Index).

<sup>34</sup> Acrop. I. P. 138.10–16.

<sup>35</sup> Pachym. I. P. 45.4–10.

<sup>36</sup> Acrop. I. P. 136.8–138.18; 144.20–23; Pachym. I. P. 43.4–45.12.

<sup>37</sup> Nicephorus Gregoras. Byzantina historia graece et latine. I. Bonnae, 1829. P. 57.19–60.3 (Далее: Greg. I). Давно отмечено, что первые семь “книг” “Ромейской истории” Никифора Григоры (Greg. I. P. 1–279) в основном воспроизводят сведения Акрополита и Пахимера (Hunger H. Die Hochsprachliche Profane Literatur der Byzantiner. I. München, 1978. P. 459.)

<sup>38</sup> Дмитриевский А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. 1: Τυπικά. Ч. 1. Памятники патриарших уставов и ктиторийские монастырские Типиконы. Киев, 1895. С. 791; Τυπικὸν τοῦ Μιχαὴλ τοῦ Παλαιολόγου τῶν Παλατίων for the Monastery of the Archangel Michael on Mount near Chalcedon (trans. G. Dennis) / Byzantine Monastic Foundation Documents... P. 1231.

<sup>39</sup> Νυσταζοπούλου Μ. Γράμμα τοῦ ἱερέως καὶ νομικοῦ Νικητᾶ Καραντηνοῦ πρὸς τὸν ἡγούμενον τῆς ἐν Πάτμῳ Μονῆς Ἰωάννου τοῦ Θεολόγου // Χριστήριον εἰς Ἀναστάσιον Κ. Ὁρλάνδου. Ἀθήναι, 1966. Σ. 290–293.

в Никею, но зато подробно описывает его приключения в Руме вплоть до бегства после битвы с монголами, то более чем вероятно заключение, что письмо было написано во время пребывания Михаила Палеолога в Кастамону<sup>40</sup>. Версия священника Никиты Карантина интересна тем, что она воспроизводит те слухи, которые циркулировали в Никейской империи в 1256 г., когда Михаил Палеолог бежал в Рум. Карантин пишет: “А султан<sup>41</sup>, как мы узнали, был побежден татарами и убежал в Калонорос (τὸ Καλὸν ὄρο[s])<sup>42</sup>. Кир Михаил Палеолог бежал (из Никейской империи. – Д.К.) и пришел к султану, и очутился на войне с татарами. Как рассказывают, его сделали главой ромейского войска (τὸν κεφαλὴν εἰς τὸ ῥωμαϊκὸν τὸ φωσάτ[ov]), и ударил он на врага, и победил его. Увидели это мусульмане, и составили заговор, и часть из них предалась татарам, а часть бежала. Тогда победил и сам Палеолог, и вошел в [некий] замок (εἰσῆλθ[εν] εἰς κάστρ[ov]), как рассказывают, и укрепил его, чтобы [те] (т.е. татары – Д.К.) не разрушили и его. Однако мы не [смогли] точно разузнать, что же [там] произошло”<sup>43</sup>.

Письмо Никиты Карантина позволяет определить, что же именно скрывается под неопределенным термином οἰκία у Акрополита: это был замок Кастамону, которым владел сельджукский бейлербей.

Теперь необходимо сопоставить сведения византийских авторов с данными восточных источников. Это поможет не только восстановить детальную хронологию событий, но также объяснить странный разноречивый в определении того войска, которым командовал Михаил Палеолог на службе у султана: согласно свидетельству самого Палеолога, это были “персидские враги”, согласно Акрополиту – христиане (т.е. латиняне или греки, которые могли быть подданными как султана, так и императора), а согласно Карантину, они были “ромейским войском”. Для полноты картины добавим, что, согласно сообщению Пахимера, отряды под командованием Михаила Палеолога на службе у султана сражались под “имперскими знаменами” (σημαῖα βασιλικαῖ)<sup>44</sup>.

Собственно говоря, главный вопрос состоит в следующем: опирался ли ‘Изз ал-Дин на поддержку византийцев (Никейской империи) против монголов, и если да, то в какой момент это произошло? Каковы были никейско-монгольские отношения до 1256 г. и в самом этом году?

<sup>40</sup> Ср. с выводом Нистазопулу (она использует иные аргументы), что письмо было написано в ноябре-декабре 1256 г. Ibid. P. 307–308.

<sup>41</sup> Карантин использует просторечную форму ὁ σουρτάνος. Это свидетельствует о том, что полученные им сведения имели устный характер, а не были извлечены из какого-либо письменного документа, составленного в султанате и затем переведенного в Никейской империи.

<sup>42</sup> Калонорос – греческое название города, который сельджуки переименовали в Алайю после того, как взяли его в 1220 г. [Ibn Bibi. S. 97–102; Ibn Bibi (Duda). S. 104–109]. Кстати, Ибн Биби был знаком с греческим названием этого порта: он воспроизводит его как Kalunürüs (Ibn Bibi. P. 97.18; Ibn Bibi (Duda). S. 105. N b). Письмо неточно передает события: согласно Ибн Биби, в 1256 г., после разгрома татарами, султан бежал в Анталю, а вовсе не в Алайю (Ibn Bibi. P. 287–288; Ibn Bibi (Duda). S. 273–274; Νυσταζοπούλου Μ. Γράμμα... Σ. 288, 300–302).

<sup>43</sup> Νυσταζοπούλου Μ. Γράμμα... Σ. 288–289; Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Acta Patriarchatus Constantinopolitani / Ed. F. Miklosich et J. Müller. VI. Vindobonae, 1890. P. 198. Издание Миклошича и Мюллера не воспроизводит полного текста письма.

<sup>44</sup> Pachym. I. P. 45.2.

Сразу оговорюсь, что восстановление всей картины никейско-монгольских отношений не является целью данной статьи. Существуют три отличные работы, посвященные этой проблеме, в которых всестороннему анализу подвергнуты сведения византийских и латинских источников, а также данные Ибн Биби и Бар Эбрея (в переводах)<sup>45</sup>. Моя задача ограничивается тем, чтобы привлечь данные малоизвестных или недостаточно исследованных восточных источников, в особенности тех, которые могут пролить свет на события 1256 г.

Чтобы понять ту ситуацию, в которой оказался Михаил Палеолог, необходимо рассмотреть предысторию никейско-монгольских и никейско-сельджукских отношений начиная с битвы при Кёсе-даге (26 июня 1243 г.), когда монгольское войско под командованием Байджу наголову разгромило армию султана Гийас ал-Дина Кей-Хосрова II (1237–1246). Скорее всего, никейский отряд принял участие в этой злополучной битве на стороне сельджуков, если только те греки в султанском войске, которых упоминает Ибн Биби, были именно никейцами<sup>46</sup>. Более достоверно другое: в конце 1243 г. Кей-Хосров II, бежавший после битвы через Токат<sup>47</sup> и Анкару<sup>48</sup> в Конью, а оттуда в Анталию<sup>49</sup>, посылает посольство к Иоанну III Ватацу в надежде на заключение союза против монголов. Оба государя лично встретились в городе Триполи, на реке Меандр<sup>50</sup>. Однако, как пишет Акрополит, после заключения союза “василевс вернулся в Филадельфию, а султан в Иконий (Конью. – Д.К.), где была его столица. Тогда оба они успокоились в отношении войны, ибо войско татар не двинулось в поход, как [у них было в] обычае”<sup>51</sup>. Сведения Акрополита о поездке султана к реке Меандр и последующем замирении с монголами подтверждаются анонимной хроникой: “Гийас [ад-Дин], убегая [от татар], достиг берега реки Миндирус (مندروس, Mindirūs, виз. Меандр, соврем. Мендерес), чтобы направиться в Истанбул (т.е в Никейскую империю. – Д.К.), [но] когда пришла новость о мире (султан и его свита) они возвращаются назад, и он пришел в Конью”<sup>52</sup>.

<sup>45</sup> Жаворонков П.И. Никейская империя и Восток (взаимоотношения с Иконийским султанатом, татаро-монголами и Киликийской Арменией в 40–50 годы XIII в.) // ВВ. 1978. Т. 39. С. 93–101; Lippard B.G. The Mongols and Byzantium, 1243–1341. A Ph.D. Dissertation. Ann Arbor, 1984; Langdon J.S. Byzantium's Initial Encounters with the Chinggisids: an Introduction to the Byzantino-Mongolica // Viator. 1998. Vol. 29. P. 95–140.

<sup>46</sup> Ibn Bibi. P. 239; Ibn Bibi (Duda). S. 227; Cahen C. The Formation of Turkey... P. 70–71. Но это могли быть также трапезундцы, так как выше Ибн Биби говорит именно о трехтысячном отряде из Трапезундской империи (Ibn Bibi. P. 238; Ibn Bibi (Duda). S. 226; Шукуров Р.М. Великие Комнины и Восток... С. 160–161). Присутствие греческих отрядов в сельджукском войске отмечено также Бар Эбреем, но опять-таки без точного определения (в тексте стоит: min yawnpāyē – “из греков”), откуда эти отряды пришли (Bar ‘Ebrāyā. P. 475; cf.: Bar Hebraeus (Budge). I. P. 406). Симон де Сен-Кантен пишет только о том, что никейский император должен был поставлять 400 копий (Vathachius quoque in. CCCC. lanceis eidem serviebat); неизвестно, выполнила ли Никея это соглашение перед битвой при Кёсе-даге (Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartares / Publiée par J. Richard. P., 1965. P. 70).

<sup>47</sup> Ibn Bibi. P. 240; Ibn Bibi (Duda). S. 229.

<sup>48</sup> Bar ‘Ebrāyā. P. 475; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 406.

<sup>49</sup> Anonyme. P. 49 (P. 32 тур. пер.); Turan O. Selçuklular zamanında Türkiye. S. 442.

<sup>50</sup> Асчор. I. P. 68.20–70.12; Жаворонков П.И. Никейская империя и Восток... С. 95.

<sup>51</sup> Асчор. I. P. 70.7–11.

<sup>52</sup> Anonyme. P. 49 (P. 32 тур. пер.).



Действительно, пока султан, оставшись без армии, метался по городам своей державы в ужасе перед монголами<sup>53</sup>, пытаясь заручиться поддержкой Никейской империи, а возможно, и найти там убежище, его *вазир* Мухаззаб ал-Дин по собственной инициативе двинулся в монгольский лагерь. Он встретился с Байджу возле Эрзурума, а затем отправился в Муганскую долину, где подписал мирный договор с Чормагуном<sup>54</sup>, начальником Байджу. Султанат стал вассалом Монгольской державы и принял обязательство платить дань<sup>55</sup>. Именно это соглашение сделало ненужным никейско-сельджукский союз в 1243 г.

Следует подчеркнуть, что Байджу, de facto начальник монгольского корпуса, дислоцированного в Передней Азии, подчинялся хану Золотой Орды<sup>56</sup>. Именно Батый в 1240-х годах признавался сюзереном государей Рума и Сирии<sup>57</sup>. Соответственно зависимость Румского султаната от Великого каана была оформлена через посредничество золотоордынского хана: в том же 1243 г. или в начале 1244 г. сельджукское посольство, возглавляемое *на'ибом* Шамс ал-Дином ал-Исфахани, отправилось в Золотую Орду и вернулось с ярлыком, провозглашавшим ал-Исфахани полномочным представителем Батыя в Руме<sup>58</sup>.

Когда в 1246 г. султан 'Изз ал-Дин Кай-Кавус II вззошел на престол, он столкнулся с враждебностью Киликийской Армении и Трапезундской империи. Бар Эбрей пишет, что после провозглашения 'Изз ал-Дина султаном "в то время прибыли послы монголов, и они потребовали, чтобы султан 'Изз ал-Дин присоединился в прославлении каана (kân) (т.е. чтобы отправился на коронацию Гуюка. – Д.К.). А он извинился [и отказался ехать] из-за греков и армян<sup>59</sup>: поскольку они его враги, то они раздерут [на части] его страну,

<sup>53</sup> После битвы Байджу подчинил Сивас и вырезал население Кайсери. Ibn Bibi. P. 241–243; Ibn Bibi (Duda). S. 229–231; Киракос Гандзакети. История Армении. С. 177–178; Kirakos Gandzakets'i. History of the Armenians. P. 245; Галстян А.Г. Армянские источники о монголах. С. 26, 35, 90, 104; Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartares. P. 78; Bar 'Ebrāyā. P. 475–476; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 406–407.

<sup>54</sup> Чормагун начальствовал над монгольским корпусом в Азербайджане начиная с 1231 г. [Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-Насаби. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны) / Критич. текст, пер. с араб., предисл., коммент., примеч. и указатели З.М. Буниятова. М. 1996. С. 256–257; С. 272 перевода на русский]. В 1241 г. Чормагун онемел [Киракос Гандзакети. История Армении. С. 175] или оглох [Галстян А.Г. Армянские источники о монголах. С. 104] в результате контузии, полученной в сражении, и Байджу стал фактическим командующим монгольским экспедиционным корпусом. Однако в 1243 г. Чормагун формально еще сохранял свой пост.

<sup>55</sup> Ibn Bibi. P. 243–245, 247; Ibn Bibi (Duda). S. 231–233, 235–236; Anonyme. P. 49 (P. 32 тур. пер.); Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartares. P. 79–80; Cahen C. The Formation of Turkey... P. 173.

<sup>56</sup> Тизенгаузен В. Сборник материалов... С. 133, п. 1 (С. 153–154, п. 2 рус. пер.); С. 476 (С. 504 рус. пер.); Шукуров Р.М. Великие Комнины и Восток... С. 154, п. 109.

<sup>57</sup> Juwayni. I. P. 222–223; Juvaini (Boyle). P. 267.

<sup>58</sup> Ibn Bibi. P. 247–249; Ibn Bibi (Duda). S. 236–237; Cahen C. The Formation of Turkey... P. 174.

<sup>59</sup> ... b-yawnāyē w-armnāyē. В арабской версии хроники стоит более определенное: "из-за царей греков и армян" (min mulūk al-yūnāniyyin wa al-ārmān). Gḥṛīgḥḥūṛūṣ Abu al-Faraj. Tārīkh mukhtaṣar al-duwal. Bayrūt, 1958. P. 256. В отношении армян информация Бар Эбрея отличается точностью. Незадолго до своей смерти султан Гийас ал-Дин Кей-Хосров II вел войну с Киликийской Арменией и осадил Тарс. Согласно Ибн Биби, "таккур" Армении (король Хетум I, 1224–1270) был вынужден отдать крепость Пракана (Brākanā) и уплатить дань. [Ibn Bibi. P. 249–250; Ibn Bibi (Duda). S. 237–239. Ср.: Anonyme. P. 50 (P. 32–33 тур. пер.)].

если он уедет. Вот почему он послал посредником своего брата Рукн ал-Дина. И он обещал, что он также поедет, [но] в другое время”<sup>60</sup>. Трудно представить, чтобы никейский император, отчетливо осознававший значение Сельджукского султаната как барьера против монголов<sup>61</sup>, начал бы своими руками разрушать его. Скорее всего, под “греками” султан имел в виду Трапезундскую империю<sup>62</sup>.

В октябре этого же года, несмотря на сопротивление Батыея, который сделал все для того, чтобы отложить коронацию Великого каана, на престол взошел Гуюк<sup>63</sup>. Вражда между Великим кааном и ханом Золотой Орды, продолжавшаяся все короткое царствование Гуюка, едва не привела к гражданской войне в Монгольской империи<sup>64</sup>.

Гуюк, ненавидевший Батыея, сделал ряд последовательных шагов, чтобы лишить хана Золотой Орды власти в Передней Азии. Во-первых, он назначил султаном Рума Рукн ал-Дина Кылыч Арслана IV в противовес ставленнику Батыея султану Кей-Кавусу II. Именно с появлением Рукн ал-Дина Кылыч Арслана IV связывает Ибн Биби арест и последующую казнь вазира Шамс ал-Дина ал-Исфахани, представителя Батыея в Руме. Вероятно, ярлык, на основании которого казнили вазира, был выдан не Батыеем, как полагает Каэн, а самим Великим кааном<sup>65</sup>. Во-вторых, Гуюк сместил Байджу с поста

---

По сообщениям Киракоса Гандзакеци и Смбата Спарапета (который сам был участником этой войны), султанскую армию возглавлял Константин Ламбронати, мятежный родственник короля Хетума (*Киракос Гандзакеци*. История Армении. С. 180; *Kirakos Gandzakets'i*. History of the Armenians. P. 247–250; *Галстян А.Г.* Армянские источники о монголах. С. 47–48). О киликийско-сельджукских взаимоотношениях после битвы при Кесе-Даге см.: *Cahen C* The Formation of Turkey... P. 175; *Шукуров Р.М.* Великие Комнины и Восток... С. 157–158.

<sup>60</sup> Bar 'Ebrāyā. P. 480; ср.: Bar Hebraeus (Budge). I. P. 410: “And then the ambassadors of the Mongols came requiring the Sūltān ‘Izz al-Dīn to come and to pay homage to the Khān. And he excused himself, saying that if he turned aside the Greeks and Armenians who were his enemies would snatch his country from him. Therefore he sent his brother Rūkn al-Dīn as a mediator...”. Ср.: *Ghrīghūrūs Abū al-Faraj*. Tārīkh mukhtaṣar al-duwal. P. 255–256.

<sup>61</sup> Acrop. I. P. 69.9–23; Greg. I. P. 41.10–23; *Жаворонков П.И.* Никейская империя и Восток... С. 95, п. 12.

<sup>62</sup> Ср. с гипотезой Р.М. Шукурова о том, что “понтйские греки пошли по пути киликийских армян” во взаимоотношениях с монголами после битвы при Кесе-даге (Великие Комнины и Восток... С. 163–164).

<sup>63</sup> *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 2. С. 118–119; Rashīd al-Dīn. I. P. 567–569; Bar 'Ebrāyā. P. 480–481; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 411; *Allsen T.* The Rise of the Mongolian Empire and Mongolian Rule in North China. The Organization of the Empire: the Reigns of Ögödei and Güyük // The Cambridge History of China. Vol. 1–15. Cambridge, 1986–1991. Т. 6: Alien Regimes and Border States, 907–1368. P. 385.

<sup>64</sup> В конце 1247 – начале 1248 г. Гуюк собрал огромную армию и двинулся на запад. Как показывает направление похода (равно как и данные китайских источников), он шел против Батыея. Только смерть Гуюка, отличавшегося слабым здоровьем, весной 1248 г., спасла Монгольскую империю от междоусобной войны (*Allsen T.* The Rise of the Mongolian Empire ... The Organization of the Empire... P. 388–389).

<sup>65</sup> Ibn Bibi. P. 264–267; Ibn Bibi (Duda). S. 252–255. Ср.: Bar 'Ebrāyā. P. 482–483; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 412–413. Правда, текст Ибн Биби (причем в обеих версиях – полной и сокращенной) несколько неясен: в нем говорится, что Рукн ал-Дин Кылыч Арслан IV привез вернулся “от Его Величества” (тогда же и был привезен злополучный ярлык) [см.: Ibn Bibi (Duda). S. 253 (a)]. Каэн полагает, что это был Батый (*Cahen C.* The Formation of Turkey... P. 178); я же склонен считать, что это был Гуюк, так как выше говорится, что Рукн ал-Дин должен был отправиться именно к Гуюку [Ibn Bibi (Duda). S. 246 (f.)]. Кроме того, непонятно, зачем Батыею потребовалось казнить одного из своих верных слуг, в то время как подобная акция со стороны Гуюка вполне объяснима: он расправлялся с приверженцами своего врага.

главнокомандующего монгольским корпусом в Передней Азии и назначил на этот пост нойона Илджигидая (вар. Илджидая), причем последний подчинялся уже не Батыю, а непосредственно Великому каану<sup>66</sup>. Любопытно, что Илджигидай получил право сбора налогов в пользу Великого каана на территории Трапезундской империи<sup>67</sup>. Он также должен был арестовать в Арране<sup>68</sup> наместников Батыев<sup>69</sup>. Источники позволяют установить хронологию этих событий. 24 мая 1247 г. к Байджу прибыло от папы Иннокентия IV (1243–1254) посольство Асцеллина, монаха Доминиканского ордена<sup>70</sup>. Оно пробыло в летней ставке Байджу в Сисиане (castrum Sitiens, к северу от Нахичевана) до 25 июля 1247 г.<sup>71</sup> В ответ Байджу снарядил посольство Айбега и Саргиса (последний был, несомненно, армянином) к папе. Посольство Айбега и Саргиса прибыло к Иннокентию IV летом 1248 г. и пробыло в Риме до 22 ноября 1248 г.<sup>72</sup>, причем, как сообщает Матвей Парижский, татарские послы просили о военном союзе против никейского императора (movere guerram in proximo contra Batthacium generum Fretherici Graecum, scismaticum et Romanae curiae inobedientem)<sup>73</sup>. Сведения Симона де Сен-Кантена позволяют

<sup>66</sup> Bar 'Ebrāyā. P. 481; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 411; Juwaynī. I. P. 211–212; Juvaini (Boyle). P. 256–257; *Рашид ад-Дин* Сборник летописей. Т. 2. С. 120: «[Гуюк] препоручил Илджидаяу все то войско [в Иране] и народ; в частности, дела Рума, Грузии, Мосула, Халеба и Диярбакра [вар. “Таквара”, см.: Juvaini (Boyle). P. 257, n. 29] он передал в управление ему с тем, чтобы хакимы тех мест держали бы перед ним ответ за налоги и чтобы никто больше в то [дело] не вмешивался» (Rashīd al-Dīn. I. P. 570). Ср.: *Киракос Гандзакец*. История Армении. С. 218: “Батый... приказал убить... одного великого начальника по имени Элчи-Гада, получившего в свое время от Гюг-хана приказ встать вместо Бачу-ноина во главе татарского войска, находившегося на Востоке и в стране армян”. Ср.: *Kirakos Gandzakets'i History of the Armenians*. P. 294. Командование Илджигидая продолжалось с 1247 по 1251 г. (см. об этом ниже).

<sup>67</sup> См. предыдущее примеч. В тексте Джувайни [Juvaini (Boyle). P. 257, n. 29] вместо “Диярбакр” стоит “Таквар”. Как показал Липпард, а вслед за ним А. Брайер, “султан Таквара”, присутствовавший на коронации Гуюка, был никто иной как Мануил I Великий Комнин (1238–1263) (Lippard B.G. The Mongols and Byzantium... P. 179–180; Bryer A. The Grand Komnenos and the Great Khan at Karakorum in 1246 // *Res Orientales*. 1994. Vol. IV: Itinéraires d'Orient. Hommages à C. Cahen. P. 257–261). Если это так, то тогда перед нами своеобразное обозначение Трапезундской империи через титул ее государя (“таквар”). Это было замечено Дж. Лангдоном (Langdon J.S. Byzantium's Initial Encounters with the Chinggisids... P. 120, n. 140). Об употреблении титула “таквар” (вар. “таговор”, “текфур”) в отношении трапезундских императоров см.: *Шукуров Р.М.* Великие Комнины и Восток... С. 48–50.

<sup>68</sup> Область в Азербайджане, к северу от Карабаха.

<sup>69</sup> Das Mongolische Weltreich. Al-Umarī's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masālik al-absār fī mamālik al-amsār. Mit Paraphrase und Kommentar hrsgg. von K. Lech. Wiesbaden, 1968. S. 15–16 (S. 100–101 нем. пер.); *Тизенгаузен В.* Сборник материалов... С. 223 (С. 244–245 рус. пер.). См. также в подробнейшем комментарии Леха случаи упоминания Илджигидая в других источниках. Das Mongolische Weltreich... S. 222–226.

<sup>70</sup> *Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartares*. P. 94–95.

<sup>71</sup> Ibid. P. 113, n. 1, 115; *Vincentius Bellovacensis (Vincent de Beauvais). Speculum quadruplex sive Speculum majus: naturale, doctrinale, morale, historiale*. Duaci, 1624; reprint: Graz, 1965. Vol. IV: *Speculum historiale*. P. 1303.

<sup>72</sup> *Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartares*. P. 115, n. 1.

<sup>73</sup> *Matthaei Parisiensis, monachi Sancti Albani Chronica Majora* / Ed. by H.R. Luard. T. V. L., 1880. P. 37–38; *Жаворонков П.И.* Никейская империя и Восток... С. 95. Не приходится сомневаться, что Матвей Парижский говорит именно о посольстве Айбега и Саргиса: совпадает и дата прибытия посольства к папе (лето 1248 г.), и число послов (их было двое).

заклучить, что летом 1247 г. Байджу еще оставался полновластным хозяином в монгольских владениях Армении, Западного Ирана и Азербайджана<sup>74</sup>.

Командование Илджигидая продолжалось со второй половины 1247 г.<sup>75</sup> до лета 1251 г. Когда Гуюк умер в 1248 г., Батый поспешил расправиться со ставленником своего покойного противника. Воспользовавшись тем, что сыновья Илджигидая приняли участие в заговоре против нового каана Менгу (1251–1259) (который, кстати говоря, занял престол при поддержке Батыя<sup>76</sup>), хан Золотой Орды приказал схватить и казнить Илджигидая (забиванием камней в рот)<sup>77</sup>. Байджу вновь получил командование над монгольскими войсками в Иране<sup>78</sup>. Одновременно Великий каан в том же 1251 г. повелел, чтобы его брат Хулагу правил землями Ирана, Сирии, Египта, Рума и Армении (часть этих земель еще предстояло завоевать)<sup>79</sup>. Теперь Байджу подчинялся, как некогда Илджигидай, не Батыю, а Великому каану. Его задачей было подготовить в Руме продовольствие для армии Хулагу, которая должна была прибыть позднее<sup>80</sup>. Однако все расчеты нарушил Батый. Используя свое влияние, он запретил войскам Хулагу пересекать р. Джейхун (Амударью)<sup>81</sup>. Каан не осмелился отменить решение хана Золотой Орды, который обладал старшинством в роду Чингизидов<sup>82</sup>. Хулагу смог выступить в поход только после смерти Батыя в 1255 г., простояв два года (1253 и 1254 гг.), в своей ставке на правом берегу Амударьи<sup>83</sup>. Именно благодаря этому решению трое султанов спокойно правили в Руме в 1249–1254 гг. под

<sup>74</sup> Ср. с гордой фразой самого Байджу, сохраненной в отчете посольства Асцеллина: “Неужели он (т.е. Папа Римский. – Д.К.) не знает, что каан (chaam) есть сын Божий и Байджу-ной-он (Baiothnoy) и Бату (Batho) суть его наместники (principes), и до какой степени их имена повсюду известны и прославляемы?” [Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartares. P. 95 (ср. P. 93–94); Vincentius Bellovacensis (Vincent de Beauvais). Speculum... historiale. P. 1299].

<sup>75</sup> Единственная его внешнеполитическая акция, имеющая косвенное отношение к моей теме – это отправление посольства к Людовику IX Святому, которое прибыло в Никосию к Рождеству 1248 г. Посольство пробыло на Кипре до 2 февраля 1249 г. Его целью был союз против халифа Багдадского. См.: Crusader Syria in the Thirteenth Century. The Rothelin Continuation of the History of William of Tyre with Part of the Eracles or Acre Text / Trad. by J. Shirley. Aldershot, 1999. P. 68–69; Morgan D. The Mongols. Oxford, 1990. P. 181–182.

<sup>76</sup> Bar ‘Ebrāyā. P. 487–489; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 416–417; Allsen T. The Rise of the Mongolian Empire... The Empire at Its Apogee: the Reign of Möngke, 1251–1259. P. 390–393.

<sup>77</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 137; Rashīd al-Dīn. I. P. 591; Bar ‘Ebrāyā. P. 489; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 417; Киракос Гандзакец. История Армении. С. 218; Kirakos Gandzakets’i. History of the Armenians. P. 294.

<sup>78</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 3. С. 22; Рашид ад-Дин. Джамий ат-Таварих. Т. III. Составитель научно-критического текста на перс. яз. А. Али-заде. Баку, 1957. С. 20; Rashīd al-Dīn. II. P. 684. Это произошло вскоре после коронации Менгу и казни внуков Угэдея (1229–1241), т.е. летом 1251 г. (cf.: Allsen T. The Rise of the Mongolian Empire... The Empire at Its Apogee...).

<sup>79</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 3. С. 23; Rashīd al-Dīn. II. P. 685–686.

<sup>80</sup> Там же.

<sup>81</sup> Das Mongolische Weltreich... S. 17 (S. 101–102 нем. пер.); Тизенгаузен В. Сборник материалов... С. 224 (С. 246 рус. пер.); Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. М., 1993. С. 81.

<sup>82</sup> О старшинстве Бату см.: Allsen T. The Rise of the Mongolian Empire ... The Empire at Its Apogee... P. 391.

<sup>83</sup> Das Mongolische Weltreich... S. 17 (S. 102 нем. пер.); Тизенгаузен В. Сборник материалов... С. 224 (С. 246 рус. пер.). Рашид ал-Дин подтверждает информацию ал-‘Умари. Хулагу прибыл к своим ставкам в феврале 1253 г., но переправился через р. Джейхун только 1 января 1256 г. (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 3. С. 24–25; Rashīd al-Dīn. II. P. 687–689).

покровительством Батия, а затем 'Изз ал-Дин Кай-Кавус II еще в течение двух лет в (1254–1256 гг.) пользовался единоличным правлением.

Какими же были никейско-монгольские отношения в течение десяти лет, между началом правления Гуюка (1246) и переправой Хулагу через р. Джейхун (1256), после которой политическая ситуация в Передней Азии кардинально изменилась? Нужно отметить, что император Иоанн III Ватац проявил незаурядный дипломатический талант. Ко времени коронации Гуюка Никейская империя была единственным анатолийским государством, которое не послало посольство в Каракорум<sup>84</sup>. С точки зрения монгольской политической теории, не подчинившееся им государство (а таковым считалось не приславшее посольство с изъявлениями покорности) рассматривалось как враждебное<sup>85</sup>. Однако Иоанн III Ватац смог нейтрализовать действия Гуюка (назначение Рукн ал-Дина Кылыч Арслана IV султаном Рума и посылка посольства к папе Иннокентию IV в 1247–1248 гг.) союзом с султаном 'Изз ал-Дином Кай-Кавусом II и переговорами с папой относительно унии церквей (которые начались в том же, 1248 г.)<sup>86</sup>. По сообщению Киракоса Гандзакеци, когда Рукн ал-Дин Кылыч Арслан IV и *спаранет* Смбат, брат короля Киликийской Армении Хетума I, возвращались из поездки в ставку Великого каана<sup>87</sup> и достигли Эрзинджана, они “услыхали [весть] о том, что брат (это ошибка, нужно: “сын”. – Д.К.) султана Гиятадина, став зятем Ласкариса, ромейского царя в Эфесе, с его помощью сел на султанский престол в Конии”<sup>88</sup>. Хотя Илджигидай дал Рукн ал-Дину двухтысячный отряд конницы, тем не менее Кей-Кавус II, теперь зять Иоанна III Ватаца, смог победить Кылыч Арслана IV в 1249 г.<sup>89</sup> Последующая скрытая борьба за престол в улусе Великого каана в 1248–1251 гг., равно как и казнь Илджигидая, на время снизили активность иранских монголов в Анатолии. После восшествия на престол Менгу в 1251 г. и назначения Хулагу главой армии, которая должна была покорить остававшиеся вне власти монголов земли в Ираке, Западном Иране и Сирии, именно решение Батия воспрепятство-

<sup>84</sup> Никейское посольство не упомянуто ни в довольно подробном списке посольств и покоренных народов, составленном Плано ди Карпини, ни в перечне присутствовавших на коронации государей у Джувайни [*Iohannes de Plano Carpini. Ystoria Mongalorum // Van den Wyngaert (Athanasius O F.M.). Sinica Franciscana. Vol. I. P. 89–90, 118; Juwaynī. I. P. 205; Juvaini (Boyle). P. 249–250; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 118–119; Rashīd al-Dīn. I. P. 568*].

<sup>85</sup> Ср.: *Iohannes de Plano Carpini. Ystoria Mongalorum. P. 84*: “Sciendum quod cum nullis hominibus faciunt pacem nisi subdantur eis, quia, ut dictum est supra, a Chingischān habet mandatum ut cunctas sibi si possunt subiciant nationes” (“Должно знать, что они не заключают мира ни с кем, если [те] не подчинятся им, поскольку, как сказано выше, [владыка монголов] имеет приказ Чингисхана, чтобы они подчинили себе, елико возможно, все народы”).

<sup>86</sup> Жаворонков П.И. Никейская империя и Восток... С. 95 (там же см. о мерах, предпринимаемых Ватацем в Никейской империи для отражения возможного монгольского нашествия); *Langdon J.S. Byzantium's Initial Encounters with the Chinggisids... P. 122–124*.

<sup>87</sup> Что однозначно датируется 1249 г., см. примеч. 3 и 4 работы; кроме того, сам спаранет Смбат свидетельствует о дате своего возвращения из поездки в Каракорум (1249–1250) (*Галстян А.Г. Армянские источники о монголах. С. 48, 64–65, 67, 121, n. 139*).

<sup>88</sup> *Киракос Гандзакети. История Армении. С. 196; Kirakos Gandzakets'i. History of the Armenians. P. 266*.

<sup>89</sup> Bar 'Ebrāyā. P. 482–484; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 412–414. Бар Эбрей не говорит, что именно Илджигидай дал султану это войско, но поскольку в 1249 г. Гуюк был уже в могиле, то ничего не остается, как предположить, что монгольский отряд был дан Илджигидаем по ранее составленному приказу Гуюка.

вать этому походу отодвинуло на некоторое время (до начала 1256 г.) самую главную потенциальную угрозу восточным границам Никейской империи: прибытие огромной армии Хулагу<sup>90</sup>. Для Илджигидая, как и впоследствии для Байджу, располагавших, несомненно, меньшими силами, основным противником было государство исмаилитов и Багдадский халифат<sup>91</sup>, а не далекая Никея. Более того, именно в этот период (1251–1256) Никейская империя вступает в дипломатические сношения с Великим кааном.

По сообщению Гийома Рубрука (который прибыл ко двору Менгу 27 декабря 1253 г. и пробыл в Каракоруме до 10 июля 1254 г.<sup>92</sup>), Великий каан послал одного из своих братьев против исмаилитов, другой же брат должен был вести военные действия против багдадского халифа и против Никейской империи<sup>93</sup>. По весьма правдоподобному предположению ван ден Вингаерта, издателя критического текста “Итинерария” Рубрука, равно как и Клод и Рене Каплеров, Рубрук ошибся: вести войну против исмаилитов-“ассасинов”, Багдадского халифата и Никейской империи должен был только один брат Великого каана – Хулагу<sup>94</sup>. Вероятно, именно с целью предложить ультиматум никейскому императору (что монголы часто делали перед началом военной кампании<sup>95</sup>), от Великого каана в конце 1251 г. было отправлено посольство, достигшее Никеи в 1252 г. Богатыми подарками Ватацу удалось склонить посла на свою сторону, и тот порекомендовал отправить ответное посольство, чтобы оттянуть время<sup>96</sup>. Император так и поступил: Рубрук встретил это никейское посольство в Каракоруме накануне приема, данного Великим кааном 4 января 1254 г.<sup>97</sup> Византийская политическая теория не допускала подчинения империи варварскому государству (такое происходило только в крайних случаях): действительно, Рубрук несколько раз отмечает, что Никейская империя не покорилась монголам<sup>98</sup>. Когда в конце 1254 г. монгольское посольство, направлявшееся вместе с мо-

<sup>90</sup> См. ниже сведения Рубрука.

<sup>91</sup> Crusader Syria in the Thirteenth Century... P. 68–69; *Rashid ad-Din*. Сборник летописей. Т. 2. С. 120; Т. 3. С. 22, 32–33; *Rashid al-Din*. I. P. 570; II. P. 684, 697–698.

<sup>92</sup> См. хронологию в: *Guillaume de Rubrouck*. Voyage dans l'empire Mongol. P. 74–75.

<sup>93</sup> *Van den Wyngaert (Athanasius O.F.M.)*. Itinerarium Willelmi de Rubruc. P. 287: “unum ex uterinis misit in terram Hasasinorum... alius [frater. – Д.К.] venit versus Persidem et iam ingressus est eam, ingressurus, ut creditur, terram Turkie, et inde missurus exercitus contra Baldac et contra Vastacium”. *Guillaume de Rubrouck*. Voyage dans l'empire Mongol. P. 201–202; *Жаворонков П.И.* Никейская империя и Восток... С. 96.

<sup>94</sup> *Van den Wyngaert (Athanasius O.F.M.)*. Itinerarium Willelmi de Rubruc. P. 287, n. 4; *Guillaume de Rubrouck*. Voyage dans l'empire Mongol. P. 202, n. 7.

<sup>95</sup> *Жаворонков П.И.* Никейская империя и Восток... С. 96.

<sup>96</sup> *Van den Wyngaert (Athanasius O.F.M.)*. Itinerarium Willelmi de Rubruc. P. 290; *Guillaume de Rubrouck*. Voyage dans l'empire Mongol. P. 204–205.

<sup>97</sup> *Van den Wyngaert (Athanasius O.F.M.)*. Itinerarium Willelmi de Rubruc. P. 247; *Guillaume de Rubrouck*. Voyage dans l'empire Mongol. P. 160–161. Дата этого приема определяет *terminus ante quem non* предшествующего монгольского посольства в Никею: требовался приблизительно год, если не больше, чтобы из Каракорума добраться до Никеи. Хронология выглядит следующим образом: после назначения Хулагу правителем монгольских земель в Иране и Сирии (вторая половина 1251 г.) Менгу послал посольство в Никею. Оно прибыло к Иоанну III Ватацу приблизительно через год, т.е. в конце 1252 г. Обратное никейское посольство, которое и застал Рубрук, добралось до Каракорума тоже приблизительно через год, т.е. в конце 1253 г.

<sup>98</sup> *Van den Wyngaert (Athanasius O.F.M.)*. Itinerarium Willelmi de Rubruc. P. 167, 290; *Guillaume de Rubrouck*. Voyage dans l'empire Mongol. P. 85–86, 205.

нахом Феодулом к Людовику Святому, королю Франции, остановилось на территории Никейской империи и глава посольства неожиданно умер, преемник Ватаца император Феодор II Ласкарис (1254–1258) отослал его обратно<sup>99</sup>.

Таким образом, императору Иоанну III Ватацу удалось мерами дипломатии отодвинуть монгольскую угрозу и при этом не стать вассальным государем (что и подчеркнул Рубрук<sup>100</sup>). Но окончательно решить эту проблему довелось его сыну, императору Феодору II. По иронии судьбы именно бегство Михаила Палеолога в Рум в 1256 г. и его сражение с монголами способствовало избавлению империи от монгольской угрозы.

Теперь следует прежде всего восстановить хронологию событий. Когда император Феодор II взошел на престол (после 3 ноября 1254 г.), он продолжил политику своего отца, направленную на то, чтобы сохранять “сельджукский барьер” в Малой Азии между Никейской империей и монголами. Его задача облегчалась тем, что после смерти Каратая (11 ноября 1254 г.) в результате междоусобной войны ‘Изз ал-Дин Кай-Кавус II стал единоличным главой султаната. Ибн Биби упоминает о прибытии посольства Никейской империи, когда Кай-Кавус II победил своего брата (т.е. после 9 февраля 1255 г.). Никейские источники позволяют уточнить число посольств к сельджукам в правление Феодора II Ласкариса: за период с конца 1254 г. по весну 1256 г. их было три.

Первое посольство отправилось сразу после провозглашения Феодора II императором<sup>101</sup>. Как справедливо полагает П.И. Жаворонков, целью посольства было подтверждение договора, заключенного Иоанном III Ватацем с Кей-Кавусом II еще в 1249 г.<sup>102</sup> Второе никейское посольство было послано в конце 1254 – начале 1255 г., вероятно, с целью поддержать Кей-Кавуса II в борьбе с его братом<sup>103</sup>. Третье посольство было послано весной 1256 г.: Феодор II спрашивался, не беспокоят ли султана монголы. Начиная военную кампанию на Балканах, император предполагал, что султан находится в безопасности<sup>104</sup>. Оба государя недооценили близость войска Хулагу.

Переpravившись через р. Джейхун 1 января 1256 г., в августе этого же года Хулагу подошел к городу Тус в Хорасане, намереваясь вести войну с государством исмаилитов<sup>105</sup>. Тогда же он повелел Байджу оставить Муганскую долину, которую хотел занять сам, и отправиться в Рум. Байджу-ной-

<sup>99</sup> Рубрук встретил членов этого посольства на обратном пути в Эрзуруме (Arseron), куда он прибыл между 2 и 14 февраля 1255 г. [Van den Wyngaert (Athanasius O.F.M.). Itinerarium Willelmi de Rubruc. P. 255–256; Guillaume de Rubrouck. Voyage dans l’empire Mongol. P. 77 (хронология), 170]. Дата кончины Ватаца – 3 ноября 1254 г. (Жаворонков П.И. Никейская империя и Восток... С. 97). Ср.: Langdon J.S. Byzantium’s Initial Encounters with the Chinggisids... P. 129–130 (отсылка посольства приписана Ватацу).

<sup>100</sup> Van den Wyngaert (Athanasius O.F.M.). Itinerarium Willelmi de Rubruc. P. 290: et (Vastacius. – Д.К.) ipsi (Mangu. – Д.К.) misit, et postquam cognovit eos (Mongalos. – Д.К.), parum curavit de eis, nec fecit pacem cum eis, nec adhuc ingressi sunt terram suam. Nec poterunt, dummodo audeat se deffendere.

<sup>101</sup> Acrop. I. P. 106.1–2.

<sup>102</sup> Жаворонков П.И. Никейская империя и Восток... С. 97.

<sup>103</sup> Greg. I. P. 56.4–6; Жаворонков П.И. Никейская империя и Восток... С. 97.

<sup>104</sup> Acrop. I. P. 125.8–13.

<sup>105</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 3. С. 25, 28; Rashīd al-Dīn. II. P. 689, 692.

он достиг Арзан ал-Рума (Эрзурум) в августе 1256 г.<sup>106</sup>, затем он подошел к Эрзинджану<sup>107</sup>. Оттуда он послал письмо султану 'Изз ал-Дину, требуя себе места для зимовки<sup>108</sup>. Появление Байджу было неожиданностью<sup>109</sup>.

Кай-Кавус II ответил отказом и стал спешно готовиться к войне. Именно в это время, в конце августа, в разгар военных приготовлений, Михаил Палеолог прибыл в Конью. Император узнал о его бегстве в сентябре 1256 г.<sup>110</sup> Сражение между сельджуками и войском Байджу, в котором принял участие Михаил Палеолог, состоялось возле местечка Султан-ханы, между Коньей, резиденцией султана, и Аксараем (тá 'Aḡara Акрополита<sup>111</sup>), где был разбит монгольский лагерь. Султан потерпел полное поражение<sup>112</sup>. Ибн Биби сообщает *terminus ad quem* этой битвы: незадолго до 23 Рамазана 654 г.Х. (14 октября 1256 г.)<sup>113</sup>. Это означает, что Михаил Палеолог пребывал в Руме приблизительно полгода, с конца лета 1256 г. по начало 1257 г., когда он вернулся в Никею<sup>114</sup>. Из этих пяти месяцев как минимум два (ноябрь и декабрь 1256 г.) Михаил провел в Кастамону. Оттуда он послал письма военачальникам (отратарχοῦντες) Вифинии и Месофинии (ведь Кастамону расположено сравнительно недалеко от этих областей), побуждая их содержать в порядке границу. Также он запросил императора о прощении и, как упоминалось, при содействии митрополита Икония вскоре получил его<sup>115</sup>. За эти два месяца Михаил Палеолог укрепил замок Кастамону, чтобы монголы не смогли его взять<sup>116</sup>.

Друг Михаила Палеолога, султан 'Изз ал-Дин Кай-Кавус II тоже бежал, спасаясь от мести Байджу. Султан покинул Конью 14 октября 1256 г. и направился в Анталию, затем – в Ладик (Лаодикию, соврем. Денизли)<sup>117</sup>. В начале января 1257 г. он прибыл на византийскую территорию, в Сарды, где встретился с Феодором II<sup>118</sup>.

Здесь мы подходим к тому вопросу, который был поставлен выше: каким войском командовал Михаил Палеолог, находясь на службе у султана? Думаю, уже сама хронология дает ответ на этот вопрос – это “ромейское” войско вряд ли было прислано императором: времени было слишком мало (сентябрь – первая половина октября). Надо полагать, что часть войска в чрезвычайных условиях была набрана среди греков Румского султаната.

<sup>106</sup> Bar 'Ebrāyā. P. 497; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 424; Галстян А.Г. Армянские источники о монголах. С. 26–27, 35.

<sup>107</sup> Ibn Bibi. P. 284–285; Ibn Bibi (Duda). S. 270–271.

<sup>108</sup> Bar 'Ebrāyā. P. 497; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 424.

<sup>109</sup> Ibn Bibi. P. 284–285; Ibn Bibi (Duda). S. 270–271.

<sup>110</sup> Acrop. I. P. 132.30; Failler A. Chronologie... P. 16–17.

<sup>111</sup> Acrop. I. P. 137.11.

<sup>112</sup> Ibn Bibi. P. 286; Ibn Bibi (Duda). S. 272; Aksarayi. S. 41–42; Isiltan F. Die Seltschukengeschichte des Aksarayi. Breslau, 1943. S. 46.

<sup>113</sup> Ibn Bibi. P. 287; Ibn Bibi (Duda). S. 273. Эта дата подтверждается Анонимом с разницей в один день: 24 рамазана 654 г.Х. (15 октября 1256 г.) [Анониме. P. 53 (P. 35 тур. пер.)].

<sup>114</sup> Дата его возвращения установлена А. Файе (Failler A. Chronologie... P. 17–18).

<sup>115</sup> Acrop. I. P. 135.22; 144.20–23; Greg. I. P. 59.10–14; Pachym. I. P. 45.4–12; Imperatoris Michaelis Palaeologi de vita sua. P. 453; Typikon of Michael VIII Palaeologos for the Monastery of St. Demetrios... P. 1243.

<sup>116</sup> Νυσταζοπούλου Μ. Γράμμα... Σ. 289; Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana... P. 198.

<sup>117</sup> Ibn Bibi. P. 287–289; Ibn Bibi (Duda). S. 273–274.

<sup>118</sup> Acrop. I. P. 143.23–144.15; 294.17–295.12.



Эти “сельджукские” ромеи считались подданными и султана, и императора, что доказывается сохранившейся надписью в одной из церквей в Каппадокии. Ее ктитор Василий упомянул в качестве своих государей султана Мас’уда II (1285–1298; 1303–1304) и императора Андроника II (1282–1328): [ἐπὶ] μὲν πανψηφлот[άτου] μεγαλογένους μεγάλου σουλτάνου [Μα]σοῦτη ἐπὶ δὲ Ῥομέων βασιλεύοντος Κυ[ροῦ] Ἀ[νδρονίκου]<sup>119</sup>. Поэтому священник Никита Карантин назвал войско Палеолога в 1256 г. “ромейским”, а сам Михаил VIII на склоне своих лет – “персидским”: оба обозначения были верны, учитывая двойной статус греческого населения Рума. При этом любопытно, зачем императору потребовалось скрывать тот факт, что “персидское” войско сражалось под имперскими знаменами. Это тем более интересно, что сама идея использовать эти знамена принадлежала Михаилу Палеологу. Пахимер пишет: “На чужбине он (т.е. Михаил Палеолог. – Д.К.) вместе со своими [воинами], построившись [на битву] под имперскими знаменами, отличается [в сражении] против врагов султана, дабы умиловить василевса, если где-либо тот услышит [об этом]”<sup>120</sup>. Иными словами, никейско-сельджукский союз против Байджу не был секретом ни для кого, в том числе и для Михаила, который самовольно попытался представить свое войско как никейскую помощь султану в тот момент, когда император просто не успевал прислать какую-либо подмогу Кей-Кавусу II (и еще вопрос, собирался ли делать это?). Услуга оказалась воистину “медвежьей”.

В другом месте Пахимер продолжает: “Над державой царствовал Феодор, когда пришел слух, что к нему из Персиды приехало [монгольское] посольство, и [так как] известие это было истинным, был страх и смятение”<sup>121</sup>. Существуют две возможные интерпретации этого пассажа. Первая из них принадлежит М.А. Андреевой, которая датировала посольство концом 1257 – началом 1258 г. Эту датировку принял П.И. Жаворонков<sup>122</sup>. Текст Пахимера неясен: ключевое для датировки слово ἡ ἀρχή можно перевести двояко – как “начало” и как “державу”. Я предпочитаю второе значение (“державу”), что соответственно и отразил в своем переводе. Точно так же понимает это место В. Лоран<sup>123</sup>. Однако Б. Липпард и Дж. Лэнгдон переводят эту фразу иначе: “В начале царствования Феодора, когда пришел слух, что к нему из Персиды приехало [монгольское] посольство (и известие это было истинным) был страх и смятение”<sup>124</sup>. Соответственно Липпард считает, что Пахимер говорит о по-

<sup>119</sup> Thierry N., Thierry M. Nouvelles Églises rupestres de Cappadoce. Région du Hasan Dağı. P., 1963. P. 202. Ср.: Bees N. Die Inschriftaufzeichnung des Kodex Sinaiticus graecus 508 (976) und die Marie Spiläotissa Klosterkirche bei Sille (Lykaonien) mit Exkursen zur Geschichte des Seldshukidenturken. B., 1922. S. 7. Надпись содержит ошибки в написании слов.

<sup>120</sup> Pachym. I. P. 45.1–4.

<sup>121</sup> Pachym. I. P. 187.22–23: Θεοδόρου δὲ τὴν ἀρχὴν βασιλεύσαντος, ἐπεὶ ἐλέγοντο διὰ Περσίδος πρὸς ἐκεῖνον πρεσβεῦεσθαι – καὶ ἦν ὁ λόγος ἀληθινός, – φόβος καὶ ταραχὴ ἦν.

<sup>122</sup> Андреева М.А. Прием татарских послов при никейском дворе // Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Seminarium Kondakovianum. Прага, 1926. С. 192; Жаворонков П.И. Никейская империя и Восток... С. 98.

<sup>123</sup> Pachym. I. P. 186. См. перевод В. Лорана: Sous le règne de l’empereur Théodore, comme l’on disait qu’ils lui envoyaient à travers la Perse une ambassade – et l’information était vraie – ce fut l’épouvante et le tumulte.

<sup>124</sup> Lippard B.G. The Mongols and Byzantium... P. 180–185; Langdon J.S. Byzantium’s Initial Encounters with the Chinggisids... P. 131–132. Ср.: Андреева М.А. Прием татарских послов... С. 192, п. 3.

сольстве конца 1254 г., которое направлялось к Людовику Святому и которое упоминает Рубрук<sup>125</sup>. Однако текст Рубрука предполагает, что это посольство было принято Иоанном III Ватацем, а не Феодором II<sup>126</sup>. Лэнгдон отметил слабость аргументации Липпарда и предположил, что речь идет о другом монгольском посольстве, которое появилось в конце 1254 г. *вслед* за посольством, упомянутым Рубруком<sup>127</sup>. Действительно, посольство Великого каана, сопровождаемое монахом Феодулом (о нем сообщает только Рубрук), направлялось к королю Франции, в то время как посольство, о котором пишет Пахимер, было отправлено именно к никейскому императору.

Со своей стороны я не вижу никаких причин пересматривать датировку Андреевой. Точка зрения Липпарда и Лэнгдона не может объяснить одного момента: зачем Хулагу потребовалось в 1254 г. посылать посольство в Никейскую империю, когда он сам по воле Батыя топтался на правом берегу Амударьи? Текст Пахимера не оставляет сомнений, что посольство было послано именно Хулагу: именно с него начался долгий переговорный процесс о выдаче замуж за Ильхана византийской деспины<sup>128</sup>. В свое время я полагал, что монгольское посольство прибыло в Никею в 1258 г., когда султан ‘Изз ал-Дин вернулся в Конью<sup>129</sup>. Анализ сведений Анонимной хроники на персидском языке и Бар Эбрея вынудили меня изменить свою точку зрения.

Дата возвращения ‘Изз ал-Дина Кай-Кавуса II в Конью по Анонимной хронике – 14 Раби’ П 655 г.Х. (1 мая 1257 г.)<sup>130</sup>. Таким образом, он пребывал на территории Никейской империи довольно короткий срок – с января по апрель 1257 г. За это время султан успел завязать сношения с монголами. Об этом пишет Бар Эбрей. Насколько мне известно, этот отрывок из его “Хронографии” еще не был прокомментирован. Текст гласит, что после сражения с Байджу и бегства султана (куда именно, Бар Эбрей не уточняет), “‘Изз ал-Дин отправил посланника из [места], где он находился, к Хулаку<sup>131</sup>.

<sup>125</sup> *Van den Wyngaert (Athanasius O.F.M.). Itinerarium Willelmi de Rubruc. P. 255–256; Guillaume de Rubrouck. Voyage dans l’empire Mongol. P. 77 (хронология), 170; Lippard B.G. The Mongols and Byzantium... P. 184–185.*

<sup>126</sup> *Van den Wyngaert (Athanasius O.F.M.). Itinerarium Willelmi de Rubruc. P. 255–256: Sic ergo venit Theodolus usque ad Vastacium, volens transire ad Papam, et decipere Papam et quod deberet nuncios Tartarorum... Ipse vero Moal incurrit infirmitatem et mortuus est ibi. Vastacius vero per famulos ipsius Moal remisit bullam auream ipsi Manguchan, quibus ego obviavi apud Arseron, in introitu Turquie, qui narraverunt michi eventum ipsius Theodoli.* Но посольство, очевидно покинуло Никею в правление Феодора II, которого Рубрук называет Ascar (Ibid P. 167, 331; *Guillaume de Rubrouck. Voyage dans l’empire Mongol. P. 85–86, 245.* См. также предыдущее примеч.).

<sup>127</sup> *Langdon J.S. Byzantium’s Initial Encounters with the Chinggisids... P. 131, n. 206.*

<sup>128</sup> Pachym. I. P. 189.27–29; *Коробейников Д.А. Византия и государство Ильханов... С. 442–448.*

<sup>129</sup> *Коробейников Д.А. Византия и государство Ильханов... С. 443–444.*

<sup>130</sup> Анониме. P. 54 (P. 35 тур. пер.); *Cahen C. The Formation of Turkey... P. 187* (с поправкой ошибки в переводе Узлука).

<sup>131</sup> Hūlākū (هولاكو) т.е. Ильхан Хулагу. В переводе Баджа стоит Hūlābū, что основано на сходстве написания в восточносирийском (несторианском) письме букв “k” [כ] и “b” [ב]: ܠܐܠܗܐ ܕܚܘܠܐܒܐ и ܠܐܠܗܐ ܕܚܘܠܐܟܐ. В арабской версии воспроизведена правильная форма “Хулаку” – Hūlākū (هولاكو). Несомненно, Бар Эбрей по-арабски прочел персидское написание

имени Ильхана Хулагу, в котором звук [g] (گ) (в данном случае в имени “Хулагу”,

هولاكو) мог передаваться через арабскую букву “k” [ك] в виде هولاكو.

И он (т.е. 'Изз ал-Дин. – Д.К.) обвинил [в случившемся] Байджу (Bājū), говоря, что тот отбирал у него царство и наследие его предков. И Хулагу послал [ему] ярлык (yarlık), то есть [письменный] приказ (ruqdānā), [состоящий] в том, чтобы оба брата разделили области [султаната]. Итак, когда настал 1568 год [по летосчислению] греков (т.е. 1257 г.), 'Изз ал-Дин объявился<sup>132</sup> и пришел в Конью (Qūnyā). И Рукн ал-Дин вместе с Байджу [отправился] на зимние стоянки во внутренние области Вифинии (d-Bētōniyā), на берегу моря”<sup>133</sup>.

Место, в котором находился султан и где он получил ярлык Ильхана, чтобы вернуться обратно, было ничем иным как Никейской империей. Текст Бар Эбрея свидетельствует, что монгольское посольство, чьей задачей было привезти ярлык султану 'Изз ал-Дину, было отправлено именно туда. Принято считать, что разделение султаната между братьями, о чем пишет Бар Эбрей, произошло только после возвращения Кей-Кавуса II в Конью в 1257 г.<sup>134</sup> Согласно Аксарайи, этот раздел был санкционирован Хулагу после личного визита двух братьев к нему в Табриз 6 августа 1258 г.<sup>135</sup> На самом деле здесь никакого противоречия нет: чтобы вернуться в Конью, султану нужны были какие-нибудь гарантии безопасности со стороны Ильхана. Но предварительное соглашение начала 1257 г. вступило в силу только тогда, когда султан лично явился к Ильхану.

Я полагаю, что Пахимер и Бар Эбрей сообщают об одном и том же монгольском посольстве. По крайней мере известно, что после свидания с императором султан отправился вместе с ним в Магнисию, где и состоялся, по мнению М.А. Андреевой, прием монгольских послов<sup>136</sup>. Если принять точку зрения, что посольство Хулагу, посланное к Феодору II, имело целью выяснить истинную позицию империи по отношению к бежавшему султану, то эта гипотеза объясняет многие трудные места источников.

Во-первых, становится понятным тот страх, которой посольство вызвало у византийцев. Хотя Никея не послала никакого военного подкрепления Кей-Кавусу II в 1256 г., неуместная инициатива Михаила Палеолога, распорядившегося использовать имперские знамена в битве при Султан-ханы,

<sup>132</sup> Глагол ٱلْبَادِق (etbadaq) может быть переведен как “был восстановлен” (ср. у Баджа: ‘was restored’), и как “объявился”, см.: *Payne-Smith R. A Compendious Syriac Dictionary. Oxford, 1902. P. 35–36.* В пользу своего перевода могу сослаться на арабскую версию хроники Бар Эбрея, где этот глагол передан как ظَهَرَ (zahara), “появляться, представлять” (см. примеч. 133).

<sup>133</sup> Bar 'Ebrāyā. P. 497; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 425. В арабской версии труда Бар Эбрея это место передано сокращенно: «В этом [году] султан 'Изз ал-Дин отправил послов к Хулагу, жалуюсь на Байджу-нойона: что, мол, тот [несправедливо] удалил его из его царства. И повелел Хулагу, чтобы он и брат его Рукн ал-Дин разделили царство между собой. Итак, 'Изз ал-Дин явился и пришел в Конью, и удалился Рукн ал-Дин вместе с Байджу в его (т.е. Байджу. – Д.К.) стоянку” (*Ghriḡhūrīūs Abū al-Faraj. Tārikh mukhtasār al-duwal. P. 266*).

<sup>134</sup> *Cahen C. The Formation of Turkey... P. 187–189.*

<sup>135</sup> Aksarayi. S. 60–62; дату см.: *Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 3. С. 47–48; Rashīd al-Dīn. II. P. 717.*

<sup>136</sup> Асгор. I. P. 295.6–9; *Андреева М.А. Прием татарских послов... С. 193.*

фактически поставила империю под возможный удар самой сильной в то время армии<sup>137</sup>.

Во-вторых, время прибытия монгольского посольства в Никею не противоречит хронологии хроники Акрополита. Он сообщает как об одновременных событиях о тревоге, охватившей никейцев, когда дошла весть о татарских набегах вблизи никейско-сельджукского пограничья, и о наступлении Михаила Эпирского, который смог в своей кампании против Никейской империи на Балканах дойти до р. Вардар<sup>138</sup>. Между тем эта кампания эпирского деспота датируется весной 1257 г.<sup>139</sup> Сообщение Акрополита о татарской опасности для никейских границ в это время подтверждается Бар Эбреем, который сообщает, что начало 1257 г. Байджу со своим войском провел в “Вифинии”, на морском берегу<sup>140</sup>. Несомненно, в данном случае имеется в виду сельджукская часть Пафлагонии и побережье Черного моря между Синопом (в то время – трапезундское владение) и никейскими земля-

<sup>137</sup> Не исключено, что имя Палеолога фигурировало в письме Байджу, отправленное к Великому каану, в котором он рассказывал о событиях 1256 г. Существуют два изложения этого письма: одно принадлежит Ибн Биби, другое – Рукн ал-Дину Бейбарсу. Обе версии базируются на материалах сельджукского посольства к Великому каану, которое возглавлял султан ‘Ала ал-Дин Кей-Кубад II. Когда султан умер (или был убит) в дороге (см. примеч. 7), посольство продолжило свой путь. Письмо Байджу застало его в ставке Великого каана. Вероятно, послы видели оригинал письма, поскольку в тексте Ибн Биби воспроизведен монгольский титул (или прозвище) Байджу как курчи (qurjī, قورچی), т.е. “носящий колчаны”, “телохранитель, оруженосец” [этимологию см.: Шербак А.М. Ранние тюрко-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). СПб., 1997. С. 143]. Байджу сообщал, что султан поднял мятеж и сразился с ним на равнине возле рибат-и ‘Ала’иййа (караван-сарай султана Ала ал-Дина I). Разгневанный каан повелел, чтобы султаном был Кылыч Арслан IV [Ibn Bibi. P. 293; Ibn Bibi (Duda). S. 279]. Мамлюкский историк Рукн ал-Дин Бейбарс дает другую версию этого послания: Байджу писал, что когда он прибыл в Рум, он был атакован в местечке Мама-хан (Mamā-khān, ممّاخان) сельджукским амиром Сарим ал-Дином Комнином (Şarīm al-Dīn Kumnānūs, صارم الدين كمنانوس). Далее Рукн ал-Дин

Бейбарс, как и Ибн Биби, упоминает ярлык Великого каана, передававший престол султаната Рукн ал-Дину Кылыч Арслану IV. *Baybars al-Manṣūrī*. Zubdat al-fikra. P. 30. Согласно гипотезе Казна, Сарим ал-Дин Комнин и Михаил Палеолог, которого Акрополит называет Михаилом Комнином, – одно и то же лицо, хотя имя (*лакаб*) “Сарим ал-Дин” несомненно мусульманское (*Cahen C. Une famille byzantine au service des Seljuqides d’Asie Mineure // Idem. Turcobyzantina et Oriens Christianus*. L., 1974. N VIII. P. 146, n. 6). Однако Осман Туран предположил, что “Мама-хан” следует читать как “Мама-хатун”, по имени известной правительницы Эрзурума из династии Салтукидов (*Turan O. Selçuklular zamanında Türkiye... S. 490, n. 55*). Мама-хатун правила в 1191 г., ее великолепный мавзолей сохранился в Терджане, к западу от Эрзурума (См.: ‘Imad ad-din al-Katib al-Isfahani. *Conquête de la Syrie et de la Palestine par Salâh ed-dīn* / Publ. par C. de Landberg. Vol. I. Leide, 1888. P. 405). Именно там, скорее всего, и был атакован Байджу. Но если это так, то вряд ли его противником был Михаил Палеолог, который в это время только что прибыл в Конюю. Скорее речь должна идти о потомке загадочного эмира Комнина, упоминаемого Ибн Биби в событиях 1223–1226 гг. [Ibn Bibi. P. 112–115; Ibn Bibi (Duda). S. 117–118, 120–121]. Но если гипотеза Казна имеет право на существование, то можно представить себе размер опасности для Никеи, когда о Михаиле Палеологе докладывали самому Великому каану Менгу в далеком Каракоруме.

<sup>138</sup> Асвор. I. P. 157.11–19.

<sup>139</sup> Асвор. I. P. 139.23–143.22, 144.24–146.12; Nicol D.M. *The Despotate of Epiros*. Oxford, 1957. P. 161–163.

<sup>140</sup> Bar ‘Ebrayā. P. 497; Bar Hebraeus (Budge). I. P. 425.

ми, куда, кстати говоря, монголы могли прорваться, лишь подчинив Кастамону, только что покинутую Михаилом Палеологом. Акрополит в сдержанной манере пишет, что монгольская угроза восточной границе Никейской империи существовала постольку, поскольку монголы еще не заключили с Феодором II окончательного мира, не установили прочного соглашения<sup>141</sup>. Надо заметить, что согласно Рашид ал-Дину, в Раби' I 655 г. Х. (19 марта–17 апреля 1257 г.) Байджу был уже в Азербайджане, откуда он явился в Хамадан, чтобы получить личную аудиенцию у Хулагу<sup>142</sup>. Монгольская угроза Никейской империи (обусловленная отсутствием мирного договора и поведением Михаила Палеолога в 1256 г.) существовала весьма непродолжительное время: в январе – начале марта 1257 г. Таким образом, хронология Акрополита не противоречит датировке описанного Пахимером монгольского посольства (*terminus ante quem* которого – конец апреля 1257 г., т.е. время возвращения Кей-Кавуса II в султанат). Соответственно с учетом всех этих сведений, я датировал бы монгольскую миссию январем – апрелем 1257 г., когда войска Байджу еще стояли вблизи никейской границы и посольство Хулагу только что прибыло на территорию империи. У Пахимера есть одна деталь, подтверждающая сказанное. Он говорит, что император, получив известие о посольстве, послал гонцов в Персию (т.е. в Румский султанат) с ложным известием о своих приготовлениях к войне, внушая мысль о непобедимости Ромейской державы; причем оговаривалось, что, если бы эти гонцы погибли<sup>143</sup>, то казна брала на себя расходы по содержанию их семей<sup>144</sup>. Посольство было “монгольским”; соответственно и предполагаемые военные действия должны были вестись против монголов же; и от них же в первую очередь могли пострадать посланцы. Эта акция кажется бессмысленной, если бы она была предпринята в тот момент, когда войско Байджу уже вернулось в Азербайджан; напротив, действия императора можно расценить как дерзкие и вместе с тем обдуманные, если учесть, что монгольская армия стояла возле никейской границы.

В-третьих, становится понятным, почему Михаил Палеолог постарался скрыть факт самовольного использования имперских знамен в битве против монголов. Монгольская миссия в марте-апреле 1257 г. окончилась полной дипломатической победой императора Феодора II. Он не только на равных разговаривал с монголами (использовав для этого весь богатый арсенал приемов византийской дипломатии<sup>145</sup>), он смог также подписать с ними мир,

<sup>141</sup> Асфор. I. P. 157.13–14.

<sup>142</sup> Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 3. С. 32–33; Rashid al-Din. II. P. 697–698.

<sup>143</sup> Ср. замечание ал-Насави, основанное на его личном опыте: когда монголы осадили крепость Хурандиз в Хорасане, родовое владение ал-Насави, они потребовали дани тканями. Ал-Насави продолжает: “Когда ткани были собраны, никто из крепости не осмеливался отнести их, так как все знали, что они (татары) убивают всякого, кто выполняет их желание. Наконец два дряхлых старика из жителей крепости добровольно согласились на это. Они привели своих детей и завещали заботиться о них и делать им добро, если они оба будут убиты. Это сукно было доставлено проклятому (предводителю татар. – Д.К.); тот принял его, убил обоих стариков и удалился” (пер. З.М. Буниятова) [ал-Насави. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны. С. 72 (С. 98–99 рус. пер)].

<sup>144</sup> Pachym. I. P. 187.24–29.

<sup>145</sup> Андреева М.А. Прием татарских послов... С. 192–200; Коробейников Д.А. Византия и государство Ильханов... С. 442–443.

устраняющий опасность для восточных границ Никеи<sup>146</sup>, тем самым исправив оплошность Михаила Палеолога. Ему ли, императору Михаилу VIII, нужно было вспоминать на склоне лет, как человек, сына которого он приказал ослепить, чтобы захватить трон, оказался более искусным политиком и более радевшим о благе империи правителем, чем он сам, узурпатор, всю жизнь доказывавший свои права на престол<sup>147</sup>!

Продолжение следует

<sup>146</sup> Мир был тем более важен, что мирные отношения устанавливались именно с Хулагу, в руках которого в то время была реальная власть над всеми монголами Ирана и Передней Азии. Напомню, сношения с Великим кааном не спасли багдадского халифа от мести Хулагу, к которому халиф отнесся с пренебрежением [см.: Juwaynī. I. P. 212–213; Juvaini (Boyle). P. 257–258; *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 3. С. 34–45; Rashīd al-Dīn. II. P. 699–714].

<sup>147</sup> См. соответствующие места в типиках Михаила VIII, в которых он доказывает свои права на престол (стараясь пореже упоминать Феодора II и совсем не упоминая ослепленного Иоанна IV Ласкариса) и выставляет себя неустанным радетелем за благо Ромейской империи [Дмитриевский А. Описание литургических рукописей... Т. I. С. 789–792; *Typikon of Michael VIII Palaiologos for the Monastery of the Archangel Michael*... P. 1230–1232; *Imperatoris Michaelis Palaeologi de vita*. P. 449–455; *Typikon of Michael VIII Palaeologos*... P. 1242–1244; Троцкий И.Г. Автобиография императора Михаила Палеолога и отрывок из устава, данного им монастырю св. Димитрия. С. 22–26].